

Н. Ю. Гвоздецкая (Иваново)

**ПРОЛЕГОМЕНЫ
К ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ
СЕМАНТИКИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА ***

История семантического описания древнеанглийского поэтического слова выявила продуктивность как «системоцентрического», так и «антропоцентрического» взгляда на проблему. Ономаσιологический подход стремился к детальному описанию денотативного компонента значения, в то время как теория лексико-семантического поля направляла усилия лингвистов на осмысление сигнификативного компонента и выявление его этнокультурной специфики. Оба эти направления исследований породили множество добротного выполненного диссертаций и монографий, систематизирующих большой материал. Однако их цель и методика налагали на исследователей некоторые (не всегда осознаваемые ими) ограничения, которые суживали горизонт исследования. Почти исключительно диахроническая направленность историко-семасиологических исследований заставляла лингвистов уделять больше внимания видам и факторам семантических изменений, нежели собственно семантическому описанию и анализу сопоставляемых фактов синхронии. В исторической семасиологии, как и в других областях лингвистики, явно сказался тот перевес «языка» над «речью», который приводил к пренебрежению речевой деятельностью и ее произведениями (текстами).

Семантическая специфика древнеанглийского поэтического слова была впервые осознана в работах тех ученых, которые так или иначе разделяли концепцию языка как «духа народа» (В. фон Гумбольдт) и стремились через изучение семантики решить культурологические проблемы. Однако здесь особенности семантики поэтиче-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (проект № 01-06-80341).

ской лексики нередко напрямую связывались со «специфически древнеанглийской структурой сознания» и тем самым тоже фактически отрывались от среды своего существования — конкретных памятников. Положение усугублялось тем, что само семантическое описание было нацелено преимущественно на реконструкцию древнейшего этимологического значения корня, семантика же отдельного словоупотребления казалась ясной из контекста и рассматривалась как средство, а не цель реконструкции. Сам факт зримого присутствия слова в расшифрованном (так сказать, «читабельном») тексте создавал иллюзию его «понятности»: доступность слова для толкования оценивалась как легкость толкования.

Попытки «перетолкования» отдельных словоупотреблений в памятниках предпринимались нередко лишь с целью обнаружить в древнеанглийских словах значения их отдаленных этимологических параллелей. При подобном подходе привлекались одни элементы контекстуального окружения слова и игнорировались другие. Против подобных «перетолкований» справедливо восстал Х. Шабрам в своей знаменитой статье «Этимология и контекстуальный анализ в древнеанглийской семантике»¹. Однако конфликт между «этимологами» и «контекстологами» разрешается ученым далеко не в лучшую сторону: отказ от сравнительно-исторической перспективы слова лишает исследователя возможности увидеть в семантическом описании «динамику синхронии», а узко понимаемый контекстуальный анализ обедняет реконструируемое значение.

Разрешение этого конфликта возможно лишь при правильном понимании роли «этимологического» и «контекстологического» методов в толковании слов. Этимологические параллели очерчивают семантические потенции слова, актуальность которых для памятника должна проверяться контекстуальным методом. Но понимать этот метод следует гораздо шире, нежели изучение непосредственного вербального окружения слова, описываемой ситуации или культурно-исторического фона, — главнейшим является контекст памятника, т. е. все категории художественного текста, которые влияют на формирование и актуализацию лексико-семантических тождеств и различий в нем.

Для теоретического осмысления поставленной проблемы чрезвычайно важной представляется эволюционная теория М. И. Стеблин-Каменского, которая дала новый взгляд на древнегерманскую литературу как на архаическую стадию в развитии авторского самосознания².

Природа древнеанглийского поэтического слова определяется характером литературного сознания эпохи — «неосознанным авторством», обусловившим и архаический характер аллитерационного стихосложения. Как справедливо полагает О. А. Смирницкая, отсюда вытекает особая организация древнегерманского поэтического языка, в основе которой абсолютизация принципа мотивированно-

сти языкового знака³. Думается, что та же абсолютизация влечет за собой усиление и другого принципа построения знаковых систем — принципа асимметричного дуализма, который обнаруживается в особом характере древнеанглийской поэтической синонимии и многозначности. Центральными проблемами семантического описания древнеанглийского поэтического слова являются *дифференциальный характер синонимии и интегральный характер многозначности* в их зависимости от специфических условий проявления в эпическом тексте⁴.

Цель поэтической синонимии в древнегерманской аллитерационной поэзии — не в умножении звуковых оболочек для единого содержания, но в его детальной смысловой дифференциации, ибо в силу мотивированности языкового знака всякое различие звучаний должно быть функционально оправдано различием значений. Развитая синонимика древнеанглийского поэтического словаря не может быть вполне объяснена ни с точки зрения ее историко-типологических корней (т. е. как отражение архаического мышления, бедного общими понятиями), ни с точки зрения чисто прагматических установок стихосложения — «потребностей аллитерации» (как полагали Ф. Магун и его последователи⁵). Синонимические ряды получают оправдание как организованные стихом микросистемы, сложившиеся в процессе формирования формульных (устойчивых) словосочетаний⁶. До сих пор не было предложено, однако, удовлетворительного семантического истолкования функциональной дифференциации синонимов в древнеанглийском поэтическом тексте.

По нашему мнению, связь семантической дифференциации синонимов с формульностью как основополагающим признаком эпического творчества свидетельствует о нарративной природе передаваемой ими эстетической информации, поскольку сами формульные словосочетания являются минимальными семантико-нарративными единицами текста. И если эта информация в самом деле представляет собой «функцию от дистрибуции» синонимов, то она должна обнаруживаться не только через метрическую «табель о рангах» (закрепленность синонимов за «сильными» или «слабыми» аллитерирующими вершинами стиха), но и на всех уровнях синтаксико-нарративного контекста памятника.

Мотивированность языкового знака в аллитерационном стихе требует также оправдания тождества звучания тождеством значений. Поэтому цель поэтической многозначности должна состоять не только в объединении под одной «крышей» разных референтов (слабое воспоминание о подобии которых сохраняется лишь в историческом акте именованья), но и в осознании и актуализации их общего семантического основания, их «исконного сродства» (в действительности или сознании). Тождество звуковой оболочки многозначного поэтизма (не в меньшей степени, чем звуковое подобие аллитериру-

ющих слов) служит в первую очередь отождествлению планов содержания. Вот почему сам термин «многозначность» не до конца удовлетворяет исследователей древнегерманской поэтической лексики и не прекращаются попытки заменить его каким-то другим, подчеркивающим сходство объединяемых лексемой смыслов, а не их различие — «широкозначность», «диффузность» и т. п.

Многозначность древнеанглийского поэтического слова не может трактоваться лишь как этнокультурный компонент семантики⁷ или как следствие невысокого уровня абстрагирующего мышления⁸, но требует учета способа существования слова в тексте. Именно так подходит к вопросу о многозначности «субстантивного эпитета» М. И. Стеблин-Каменский⁹. Указывая на способность предметного существительного получать в роли эпитета значение качественного прилагательного («подобно тому как *heogu* — „меч“ — в атрибутивном употреблении означает не „мечевой“, а „жестокий“, „ужасный“, „свирепый“, ... так и *gar* — „копье“ — означает не „копейный“, а „воинственный“, „доблестный“») ¹⁰, М. И. Стеблин-Каменский трактует эту многозначность как реликт первобытно-образного мышления, но вместе с тем защищает тезис о функциональной перестройке языковых архаизмов по мере их превращения в средства художественного отображения действительности. При таком понимании слово как элемент лексической системы оказывается органически слитым со словом как элементом поэтической речи (так, повтор лексем подразумевает эпическую вариацию как свойство поэтического синтаксиса). Многозначность древнеанглийского поэтического слова, образцом которого выступает в данном случае субстантивный эпитет, — проявление основных свойств аллитерационной поэзии в целом.

Этот широкий взгляд на многозначность эпического слова нашел дальнейшее развитие в концепции О. А. Смирницкой, которая отмечает тесную связь лексической многозначности с внутренней семантической изменчивостью устно-эпического текста при каждом новом воспроизведении. При этом «наслоения смыслов возникают в первую очередь в ключевых строках и строфах, наиболее важных для интерпретации всей песни»¹¹, а на лексическом уровне семантическая диффузность обнаруживает себя как «особый сплав различных, подчас приходящих в столкновение друг с другом смыслов»¹². Многозначность эпического слова оказывается оборотной стороной «текучести» эпического текста, т. е. его неосознанного переосмысления, его способности реагировать на сдвиги в мировосприятии поэта и аудитории — способности, которая сохраняется и в эпоху появления письменности после принятия христианства.

Подобная постановка проблемы требует более детального теоретического осмысления как характера взаимоотношений значения слова и контекста в древнеанглийском поэтическом памятнике, так и самой идеи иерархии контекстов в нем. Принципиальными представляются следующие соображения.

В древнеанглийских поэтических произведениях слово теснее связано с контекстом своего употребления, нежели в языке общенародном, в силу более тесных взаимоотношений поэтического языка и поэтической речи или меньшей их расчлененности. Отсюда следует ослабление (или даже снятие) некоторых дихотомий, значимых для общенародного языка.

1. Ослабление дихотомии «свободное vs. связанное значение». В функционально нагруженных участках древнеанглийского поэтического словаря (лексики, обозначающей «ключевые» эпические концепты) всякое значение оказывается в той или иной мере не «свободным», а «фразеологически связанным» в силу своей обусловленности формульной поэтической фразеологией, которая и выступает в этом случае как единственный способ существования лексической семантики.

2. Ослабление дихотомии «контекстуальное vs. системное значение». Контекстуальные «оттенки» семантики эпического слова, в силу самой своей природы ориентированного на традицию, укладываются в очерченные канонами пределы системных значимостей, а контекстуальные «отклонения» оказываются допустимыми лишь в той мере, в какой они откладываются на парадигматической оси поэтического языка как результат развития (неосознанного переосмысления) самой традиции.

3. Снятие дихотомии «коннотативное vs. денотативно-сигнификативное значение». Коннотативная сфера оказывается более весомой и менее обособленной в семантическом пространстве древнеанглийского поэтического слова. И не только потому, что эпическое слово обладает повышенной оценочностью, эмоциональностью и экспрессивностью в силу особого ценностного статуса изображаемой действительности. Поэтическая лексика, внедряясь в центральные темы эпической поэзии, формирует сильное концептуально-ассоциативное поле, способное заслонить исходные значения соответствующих слов. Полисемантизм такого рода предполагает сосуществование «первичного» и «вторичного» значений на совершенно иных основаниях, нежели в слове общенародного языка: контекст употребления подобных слов направлен не на различение отдельных смыслов, а скорее на оправдание их интеграции в эпическом повествовании.

Отношения между разными уровнями контекста, равно как и самый характер и число уровней, определяются в древнеанглийском поэтическом тексте особенностями художественного сознания эпохи. И если древнегерманский аллитерационный стих не может трактоваться как внешняя форма, данная во владение поэту, то и контекст аллитерационного стиха оказывается неотчлененным от более глубоких уровней, составленных из двусторонних (знаковых) единиц языка, т. е. синтаксического и нарративного контекста. Но отсюда следует также, что и синтаксический контекст не может рассматриваться безотносительно единиц аллитерационного стихосложения. «Слышимыми» и «значимыми» являются в древнеанглийском поэтическом тексте лишь те лексико-грамматические зависимости, которые укладываются в рамки поэтической строки (краткой или долгой).

Низшим видом синтаксического контекста, в котором формируется и актуализуется семантика древнеанглийского поэтического слова,

выступает краткая строка (КС) как минимальная единица эпического текста, сохраняющая основные признаки эпического повествования (нерасчлененность сочинения и воспроизведения). Границы кратких строк совпадают с границами ритмико-синтаксических формул, представляющих собой первичные номинативные «ячейки», внутри которых складывается семантическая специфика отдельных лексем. Изучение формульной сочетаемости древнеанглийского поэтического слова в пределах КС — это первое условие моделирования вербального концепта как компонента героической картины мира, разворачивающейся в эпическом повествовании.

Вторым уровнем синтаксического контекста, на котором слово может получать дополнительный смысл, выступает долгая строка (ДС) как совокупность двух неравнозначных нарративных единств — КС1 и КС2. Семантическая интерпретация формулы зависит от ее принадлежности к той или иной части ДС, чем определяется ее элементарная нарративная функция.

Иначе говоря, рассматриваемая «изнутри» («снизу») как минимальная содержательная единица текста КС предстает только как ритмико-синтаксическая формула, как элемент поэтической фразеологии (словаря как инвентаря единиц номинации). Если же посмотреть на нее «извне» («сверху»), с точки зрения движения повествования, КС оказывается специализированным членом наррации (КС1 или КС2), участвующим в построении более крупного текстуального единства (долгой строки) и выполняющим собственную семантическую функцию.

С точки зрения номинации долгая строка — это сумма двух КС, или последовательность равноценных формульных синтагм ($\Phi + \Phi$); с точки зрения наррации ДС — это сочленение двух неравноценных текстуальных единиц (КС1 + КС2), имеющих разную значимость для эпического повествования. Рассматриваемая как единица наррации (т. е. один из компонентов ДС), сама формула приобретает дополнительный смысл в тексте и обнаруживает далее органическую связь с художественным единством памятника.

Слово как член КС несет семантические отзвуки формульной системы (языковой парадигмы), включающей данное словосочетание, и остается в первую очередь единицей номинации. Слово как член ДС служит семантическим отголоском поэтического высказывания (речевого произведения) и обретает новую семантическую ценность как единица наррации по преимуществу. Таким образом, КС и ДС — это разноуровневые единицы синтаксического контекста, каждая из которых актуализует свой собственный, отдельный пласт в семантике древнеанглийского поэтического слова. Аллитерация как звуковой повтор внутри ДС связует и эмфатически выделяет то, что уже отчасти связано и выделено через дифференциацию КС1 и КС2.

Структурно-смысловой блок, или период (в иной терминологии — сверхфразовое единство), представляет собой третий, высший уро-

вень синтаксического контекста и вместе с тем — низшую единицу в композиционной организации памятника. Изучение семантической роли слова в составе формульных систем требует выхода за пределы собственно синтаксического контекста и обращения к жанрово-композиционным особенностям памятника, которые проливают новый свет на семантику формульных словосочетаний и их компонентов.

Представление об архаическом характере германского аллитерационного стиха, вытекающее из архаического характера авторского самосознания, позволяет дать новую трактовку семантическим взаимоотношениям древнеанглийских поэтических синонимов. Аллитерационный стих нивелирует денотативные различия близких по смыслу лексем, сложившиеся за пределами поэтического корпуса, и уравнивает их как средства воспроизводства героических ценностей. Вместе с тем поэтические синонимы получают в эпическом тексте новые коннотативные смыслы, приоритетные для эпической картины мира. Средством выражения этой новой эстетической информации служит метрическая дистрибуция синонимов, которая коренится в формульных основаниях поэтической речи.

Семантическая дифференциация синонимов, которая маркирует их метрической дифференциацией, отражает не столько саму по себе парадигму эпических ценностей, сколько синтагматическое построение текста, его нарративные стратегии. Распределение синонимов по акцентным вершинам обусловлено не их исконной лексической семантикой, а той семантической ролью, которую они способны сыграть в эпическом повествовании. Формально эта роль проявляется в закрепляемых за ними семантико-синтаксических функциях в составе краткой строки. Корреляции лексемы с той или иной акцентной вершиной в долгой строке оказываются опосредованными ее корреляциями с тем или иным типом синтаксических конструкций в краткой строке.

Так, стратегии построения эпического повествования не дают оснований для разграничения значений имен с точки зрения материальных деталей жизненного уклада. Жилище в германском эпосе мыслится прежде всего не как сооружение, но как пространство жизненного обитания и оплот в борьбе. Эпическое повествование снимает оппозицию «род» — «вид» («жилище» — «дворец») в наименованиях *sele* и *heall*, синонимизируя их в значении «крепости (защиты)». Если смысл «крепость (защита)» способствует их интеграции с другими локативами, то семантическая оппозиция «предмет — сцена» служит их функциональной дифференциации в тексте. Реальность данной оппозиции как категории поэтического текста обнаруживается как в специализации указанных лексем на определенных синтаксических ролях, так и в закреплении этих ролей за определенными типами акцентных вершин в стихе. *Sele* — это предмет эпического повествования, *heall* — его сцена. *Sele* является необходимым и самостоятельным членом поэтического высказыва-

ния (субъектом и объектом глагольных словосочетаний), heall — его факультативным, подчиненным элементом (приименным предложением локативом). Sele — участник эпического действия, heall — его место (фон). «Предмет» повествования выводится стихом на более «сильные» вершины, а «фон» оттесняется на более «слабые»¹³.

Изучение распределения синонимических наименований моря по акцентным вершинам и синтаксическим конструкциям позволяет уточнить понятие семантической роли и проследить механизм отбора на нее отдельной лексемы. Как показывает материал «Беовульфа», лексема отбирается на «роль» в соответствии с возможностями своего семантического потенциала, но подвергается при этом ряду «запретов», связанных со стратегиями эпического повествования. Один и тот же концептуальный смысл получает разное преломление в наррации. Так, сема «активности», наличествующая у ряда слов в силу исходных значений (flod «поток», brim «прибой»), holm «бурное море», uð «волна»), по-разному осмысливается в эпической картине мира, что предопределяет их разное использование в номинативных структурах текста. Brim — это своенравная стихия, способная успокаиваться без вмешательства со стороны; flod — агрессивная, неуправляемая, безжалостная сила (эта трактовка поддерживается ассоциациями с библейским Потопом); holm бросает творческий вызов герою и приглашает к схватке, в которой он может потерпеть поражение, но может и доказать свое превосходство; uð никогда не ставится в центр рассказа и легко поддается внешнему воздействию. Соответственно flod и brim чаще претендуют на роль субъекта предикативной синтагмы, holm предпочитает роль объекта, а uð занимает главенствующее положение лишь в именных перифразах, в сфере раскрытия образа (в предикативных структурах «волна» обнаруживает склонность уходить на периферию высказывания, прятаться среди «декораций» эпической сцены). В этом нам видится цельность и обобщенность эпической картины мира, где повествователь не может занять позицию постороннего наблюдателя и «подсмотреть» детали, по своему желанию увидеть их крупным планом¹⁴.

Семантическая мотивированность древнеанглийского аллитерационного стихосложения обнаруживается не только на уровне *слова* (дифференциация лексико-грамматических разрядов и синонимических рядов в отношении к акцентным вершинам стиха, устойчивые аллитерационные лексические коллокации), но и на уровне смысловой организации *текста*. Изучение языкового наполнения «левой» и «правой» части долгой строки (КС1 и КС2) выявляет их семантическую специализацию. Деление долгой строки на две краткие имеет целью разделить в рассказе два разных смысловых пласта: КС1 — сфера идентификации, синтеза, образного фиксирования предметов и явлений; КС2 — сфера предикации, анализа, линейно-логического развертывания мысли. В формально-синтаксическом плане это отражается в тяготении финитных форм глагола к КС2, а образных именных пери-

фраз к КС1, ср.: ...byman hringdon, // guðsearo gumena; / garas stodon, // sætanna searo / samod ætgædere, // æscholt ufangræg (328–330) «...кольчуги звенели, // боевые доспехи мужей; / копья стояли, // моряков напряжение, / все вместе, // ясеневое дерево блестящее». (Здесь и далее все примеры взяты из «Беовульфа»¹⁵.) Перевод принадлежит автору статьи. Цифры в круглых скобках означают номера строк.

Семантической дифференциации КС1 и КС2 в плане глубинного синтаксиса наррации соответствует их акцентная дифференциация в плане предпочтения аллитерационных схем (только «ах» в КС2 и любая из трех возможных — «ах», «аа», «ха» — в КС1), ср. wuldres Wealdend / woroldare forgeaf (17) «славы Владыка / мирской успех даровал» и swa hune Geata bearn / godne ne tealde (2184) «что его, геатов потомка, / годным не считали». Причем акцентная «свобода» обнаруживается в сфере «синтеза» (т. е. в более цельных номинативных единицах, например приведенных именных перифразах wuldres Wealdend и Geata bearn), а акцентная «заданность» — в сфере «анализа» (глагольных сочетаниях). Таким образом, семантическая специализация КС не вытекает из свойств конкретного языкового материала, она должна трактоваться как отражение антиномических взаимоотношений слова и фразы, свойственных двучленному сложному имени (канонической модели КС) и воспроизводящих игру *созидания* и *данности*, так сказать, «соприродной» самому эпическому творчеству.

Нарративно-семантическая дифференциация кратких строк служит условием формирования долгой строки как отдельной структурной единицы стиха и поэтического синтаксиса. Средством обеспечения семантической связности соседних долгих строк выступает *эпическая вариация*, которая поддерживает внутреннюю семантическую цельность периода (иначе — сверхфразового единства, СФЕ) — минимального компонента композиции, связанного с эпическим *мотивом* как единицей содержательного уровня памятника. Изучение строения СФЕ в древнеанглийском поэтическом тексте по-новому освещает семантические особенности сложных номинативных единиц и закономерности их появления в тексте.

Эпическая вариация не сводима ни к повторной номинации предмета, ни к риторическому украшению стиля, она должна рассматриваться как способ создания особых структур в рассказе, основанных на дублировании синтаксических позиций предшествующего высказывания. Эти структуры завершают, обобщают, суммируют предшествующие им предикативные структуры — полноправные предложения. Их повторяемость в тексте не оставляет сомнения в том, что перед нами элемент поэтической формы, а не случайное соединение слов в краткой строке, ср.: ðæt aefera wæs / æfter cenned, // geong in geardum (12–13) «У него наследник / после родился // юный в доме»; ...monig oft gesæt // rice to rune (171–172) «...многие часто усаживались, // знатные на совет»; ...streamas wundon, // sund wið sande (212–213) «...волны бились, море о песок»; hæfdon swurd nacod /

þa wit on sund reon, // heard on handa (539–540) «имели меч обнаженный, / когда мы в море плыли, // твердый в руке».

Эпическая вариация превращает динамику рассказа в статику картины и требует формирования сложных номинативных единиц, насыщенных коннотациями. Она связана с качественно иным восприятием времени (прошедшего и настоящего) в эпическом сознании. В высказывании-рассказе в КС2 («правая часть» долгой строки) содержится личная форма глагола и сообщаемый факт помещается во временную цепочку событий. Высказывание-образ в КС1 («левая часть» долгой строки) как бы фиксирует вневременной «слепок» с того же факта, выявляя его вечные идеальные черты. Словосочетание в КС1 объединяет обычно слова, принадлежащие одной тематической группе и гармонирующие друг с другом в эпической картине мира. Создаваемый ими образ напоминает образы гномических стихов, рисующих законы мироустройства: море должно вечно биться о сушу, юному наследнику подобает жить в родном доме, знатным людям надлежит собирать на совет, твердому мечу — пребывать в чьей-то крепкой руке, и т. д.

Построение древнеанглийского поэтического высказывания отчасти напоминает технику ткачества: рассказ, как утёк, ложится на основу, которая создает *фон* для дальнейшего рассказа. Движущееся повествование непрерывно сгущается, кристаллизуется в отмеченных двойной аллитерацией формульных именных сочетаниях, и последующий рассказ воспринимается именно на фоне этих сгущений.

Формульные словосочетания выступают как семантически и эстетически значимый компонент текста, не связанный исключительно с потребностями устной импровизации. Формула (система производимых по определенной модели словосочетаний) предстает как гибкое и подвижное знаковое образование, способное к варьированию в плане содержания и выражения. Сравните характеристику Гренделя с помощью вариантов единой формульной системы, фиксирующих кульминационные моменты его «биографии»: 1) при своем первом появлении в рассказе Грендель выступает как *feond on helle* (101) «враг в преисподней» (происхождение — так сказать, «выходец из преисподней»); 2) после победы над ним героя — как *feond on feþe* (970) «враг на пешем ходу» (спасающийся бегством, потерпевший поражение); 3) в рассказе героя о своей победе — как *feond on frætwum* (962) «враг во всей красе» (убитый и распростертый).

Устойчивость формульной системы принадлежит семантико-нарративному плану текста, а не абстрактной синтаксической «схеме» или «концепту», чем обеспечивается ее неосознанное переосмысление при переходе к новым культурным ценностям. Процесс перестройки художественного сознания после христианизации предстает как «растяжение» известных истин через варьирование формульных словосочетаний. В тексте формула приобретает вторичные функции, которые работают на раскрытие его эстетического предмета. Так,

сочетание *beornas on blancum* (856) «мужи на конях» применительно к датским воеводам указывает на привычное для знатных мужей положение, но его формульный вариант *eorlum on ende* (2021) «эрлам с краю» (буквально «в конце») сообщает рассказу Беовульфа о последнем пире у Хродгара зловещие ассоциации, предрекая потомкам Хродгара истребление (в том же рассказе появляется и предание об Ингельде, которому суждено возобновить войну с данами). Любопытно, что еще более близкий в звуковом и семантическом плане вариант той же формулы *eorlas on elne* (2816) «эрлы в силе» звучит далее иронической антитезой к словам умирающего Беовульфа о том, что все его племя «смела судьба» (*wyrd forsweor*): даже обладание героическими качествами (*ellen* «отвага, сила, подвиг») не спасает воина от участи любого смертного. Многозначность одного из компонентов словосочетания способна объединять два пласта в художественном замысле поэмы (героический и христианский): так, Гренделя настигает *swylt æfter synnum* «смерть после злодеяния» (совершенного убийства); вместе с тем та же фраза может быть истолкована как «смерть за грехи» (*synn* «распря, грех»).

В связи с этим можно утверждать, что ценность композита (и прежде всего композита с «субстантивным эпитетом») для древнеанглийского поэтического сообщения заключается, по-видимому, в том, что он способен выполнять текстообразующие функции. Древнеанглийский поэтический композит — это свернутое высказывание как способ хранения информации при передаче традиции. Будучи именем, он называет и отождествляет. Как сложное имя, он содержит в себе зародыш рассказа. Он приглашает к разворачиванию в сообщении и одновременно может выступать средством запечатления рассказа в образе. Объединяя две стороны эпического творчества (воспроизведение и сочинение), композит используется в тексте как арена взаимопревращений номинации и предикации, чем и объясняется его семантическая специфика.

Не случайно уже в первых трех строках «Беовульфа» присутствуют три именных композита, чередующихся с глагольными сочетаниями: *Hwæt, we Gar-Dena / in geardagum // ðeodcyniga / ðrum gefrunon, // hu þa æfelingas / ellen fremedon* (1–3). Здесь каждая из трех длинных строк представляет содержательное единство, которое отчасти дублируется и отчасти развивается в следующей строке: герои выведены на авансцену истории («Что ж, мы копьё-данов / в давние дни»), включены в традицию эпического рассказа («племя-конунгов / славу узнали», представлены как действующие лица повествования («как те витязи / подвиги совершали»). Эпитеты *gar* «копьё» и *ðeod* «племя» намекают на те признаки героев, которые далее в явном виде выражаются в глагольных объектах (именах со значением «слава, сила, подвиги») и разворачиваются в реальные предикаты текста. Эпический поэт переходит от имени к высказыванию через актуализацию ассоциативного поля имени, знаком которого выступает субстантивный эпитет.

Так, поэт рассказывает о посещении Гренделем дворца Хеорот, опираясь на композиты: *scaedu-genga* «во-тьме-ходящий» приходит ночью (703), *sup(или man)-scafa* «зло-вредитель» собирается заманить во тьму кого-либо из воинов (707, 712), *bealo-hydig* «зло-замышляющий» врывается разъяренным (723), *ellor-gast* «дух-изгнанник», потерпев поражение, отправляется в дальний путь (807). Последовательная смена имен в тексте одновременно и движет вперед сюжет, и отражает разные стороны образа чудовища, причём имя и глагол оказываются как бы взаимобратимыми: тем, чем герой стал (и это воплощено в его имени), он беспрерывно снова и снова становится в повествовании и таковым остается в памяти читателя. Подобная трактовка композита позволяет объяснить некоторые специфические словоупотребления в «Беовульфе»: так, композит *hrof-sele* (1515) бессмыслен с точки зрения уточнения разновидностей дворца (всякий дворец имеет крышу и дает кров). Однако композит получает смысл при развертывании его в высказывание: опасный поток не мог повредить Беовульфу потому, что дворец дал ему кров, защиту (*for hrof-sele* «из-за крова-дворца», т. е. «потому что дворец дал ему кров»).

Формирование семантики эпического слова протекло в тесной связи с номинативно-нарративными решениями поколений поэтов. Семантическая интерпретация древнеанглийского поэтического слова требует выявления художественно-смысловых стратегий в развитии повествования (в плане макро- и микрокомпозиции текста), ибо сама семантика этого слова нарративна по преимуществу.

Подведем итоги. Ключом к пониманию семантической специфики древнеанглийского поэтического слова является *специфическая организация знаковых систем поэтического языка*. Ее наиболее яркой особенностью выступают гипертрофия и особый характер асимметричного дуализма как основной черты языкового знака (синонимии и многозначности). Традиционно эти особенности относились к области стиля, их связывали с потребностями аллитерации и внешними риторическими приемами наррации. На самом деле связь их с наррацией лежит глубже, нежели ее поверхностная (звуковая и формальная) организация, оказываясь производной от смысловых стратегий повествования.

В организации древнеанглийского поэтического текста как связанного повествования на заданную тему принимают участие разнородные структуры: 1) фонеморфологическая организация поэтической строки; 2) семантико-синтаксическая организация высказывания; 3) жанрово-композиционная организация текста. Все три вида зависимости имеют нарративную природу и могут рассматриваться как взаимосвязанные параметры участия слова в развитии повествования.

Взаимобусловленность лексической семантики и семантики наррации обнаруживается уже на самом первом, фонеморфологическом уровне текста и создается посредством ранжирования слов

по акцентной и звуковой выделенности корневых морфем с учетом их статуса (лексико-грамматического в языке и концептуального в картине мира). Семантические корни аллитерации не позволяют трактовать эту обусловленность в чисто фонетическом плане: одно лишь сходство звучания оказывается недостаточным для участия лексем в аллитерационных коллокациях; столь же недостаточной оказывается для сопряжения слов в пределах краткой строки (минимальной единицы аллитерационного стиха) и реальная близость референтов. Так, «дворец» как компонент эпической наррации отторгает от себя эпитет *heah* «высокий» в том случае, если обозначается лексемой *heall*, и, напротив, допускает этот эпитет при обозначении лексемой *sele*.

Акцентное ранжирование слов стихом в значительной мере определяется их семантической ролью в повествовании, что проявляется в способности принимать ту или иную синтаксическую функцию в составе минимальной единицы повествования — краткой строки. Иерархизация лексем аллитерационным стихом выступает лишь наиболее очевидным, «приметным» маркером зависимости слова от поэтологических структур текста. Корни ее следует искать на более «глубоких» уровнях поэтического текста, в первую очередь — на уровне лексико-синтаксической организации высказывания в его соотнесенности со смысловым устройством долгой и краткой строк как компонентов поэтической наррации.

Путь к постижению сопряжения слов стихом лежит не через изучение их фонетического или референциального «средства», но через выявление той дополнительной «эстетической информации», которая и обусловила закрепление данной лексемы в поэтическом словаре (независимо от степени ее архаичности и возможности употребления также в прозе). Природа данной эстетической информации, тесно связанной с механизмом аллитерационного стихосложения, обусловила потребность в богатой синонимике, отчего на фонеморфологическом уровне анализа в центре внимания исследователя оказывается проблема синонимии. При этом обнаруживается, что в пределах данного уровня проблема не может найти своего окончательного разрешения: решение вопроса о семантической дифференциации синонимов требует выхода на следующий, синтаксический, уровень — уровень организации высказывания, которое базировалось на устойчивых (формульных) словосочетаниях. Именно они, формируя поэтическую строку, выступали как минимальные «операциональные» единицы в процессе стихотворчества и влияли на развитие самого аллитерационного стиха. Вместе с тем в тексте формулы не только оказываются удобными номинативными «заготовками» для наррации, но и обнаруживают свой творческий потенциал.

Семантическая роль слова в повествовании оказывается теснейшим образом связанной со стратегиями наррации в древнеанглийском поэтическом творчестве. Эти стратегии имеют свои основания как в те-

матике памятников, так и в типе художественного сознания эпохи. Древнеанглийская поэзия представляет собой по преимуществу художественную форму осознания истории. Эта тематическая особенность определяет отношение к описываемым событиям: они рисуются одновременно как развивающиеся во времени и как принадлежащие безвозвратно ушедшему героическому прошлому, застывшему в идеальных статических образах. Отсюда смысловая специализация разных типов кратких строк (проявляющаяся в их заполнении разными лексико-синтаксическими структурами), равно как и развитие приема «эпической вариации», посредством которой *сказываемое* (означиваемое предикативными конструкциями с личной формой глагола) превращается в *сказанное* (означенное сложным именем).

Взаимодействие лексической семантики и структурно-семантической организации повествования обнаруживается прежде всего в столь известном стилистическом приеме, как эпическая вариация. Подобная постановка вопроса выдвигает на передний план такой важный компонент словаря, как поэтические композиты. Их семантическое толкование требует учета текстообразующей функции, которая проявляется в способности к выражению фразовой предикации и номинации. Их специфика — способность выступать «свернутыми» аналогами высказываний — коренится не только в отношении к эпическому прошлому, но и в неосознанном характере литературного творчества.

Автор, который не является до конца автором создаваемого произведения, но добросовестно воспроизводит традицию, ощущая себя лишь звеном в цепи поколений сказителей или писцов, стремится опереться в своем творчестве на некие готовые номинативные единицы, которые, однако, он волен отчасти трансформировать, не нарушая их тождества самим себе. Историческая жизнь формульных единиц поэтической речи (композитов или словосочетаний) напоминает историческую жизнь слов как вообще единиц языка: каждое новое воспроизведение, сопровождаясь содержательно-формальным варьированием, не нарушает их актуального тождества самим себе, однако постепенное накопление изменений ведет к их неосознанному переосмыслению.

Устойчивость и вариативность как две необходимые и взаимосвязанные стороны древнеанглийской поэтической номинации (как в синтагматике, так и в парадигматике) вытекают, таким образом, из архаического типа авторского самосознания, первоначально связанного с устной импровизацией текста, но в силу ориентации на традицию (а не на новаторство, как в поэзии нового времени) сохранившегося и в эпоху возникновения письменности. Следует подчеркнуть, что ориентация на традицию не смогла воспрепятствовать применению аллитерационного стихосложения для передачи новых христианских сюжетов именно в силу приспособленности его основных номинативных единиц (формульных систем) к варьированию. Вместе с тем именно устойчивость этих систем обусловила оригиналь-

ную «германскую» (героическую) трактовку библейских тем в древнеанглийских поэтических памятниках.

В конечном итоге подобная взаимозависимость слова и текста способствует не только лучшей сохранности последнего в условиях нерасчлененности сочинения и воспроизведения, но и лучшей сохранности исконной поэтической традиции в условиях смены духовных ценностей (христианизации), т. е. ее более гибкому приспособлению к новой культурной парадигме. Древнеанглийское поэтическое слово отражает и концентрирует в себе традиционные ценности эпического мира и наиболее типические черты эпического повествования. В руках искусного поэта оно оказывается также лабильным инструментом введения в текст нового художественного замысла, даже если этот замысел и не представляет собой заранее сформулированной и осознанно проводимой установки.

¹ *Schabram H.* Etymologie und Kontextanalyse in der altenglischen Semantik // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1970. Bd. 84, № 1. S. 233–253.

² *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. Становление литературы. Л., 1984.

³ *Смирницкая О. А.* Стих и язык древнегерманской поэзии: В 2 т. М., 1994. С. 427.

⁴ *Гвоздецкая Н. Ю.* О природе древнеанглийского поэтического слова (Эпическое слово на стыке культурных парадигм) // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия филология*. Иваново, 2000. Вып. 1. С. 74–78.

⁵ *Magoun F. P.* The Oral-Formulaic Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry // *Speculum*. 1953. Vol. 28. P. 446–467.

⁶ *Смирницкая О. А.* Указ. соч. С. 227–274.

⁷ *Leisi E.* Aufschlussreiche altenglische Wortinhalte // *Sprache — Schlüssel zur Welt*. Düsseldorf, 1959. S. 309–317; *Schücking L. L.* Untersuchungen zur Bedeutungslehre der angelsächsischen Dichtersprache. Heidelberg, 1915.

⁸ *Феоктистова Н. В.* Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л., 1984.

⁹ *Стеблин-Каменский М. И.* Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии (К вопросу о развитии древнеанглийского поэтического стиля) // *Стеблин-Каменский М. И.* Историческая поэтика. Л., 1978. С. 4–39.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ *Смирницкая О. А.* О многозначности эпического текста // *Эпос Северной Европы: Пути эволюции*. М., 1989. С. 158–162.

¹² Там же.

¹³ *Гвоздецкая Н. Ю.* Язык и стиль древнеанглийской поэзии (проблемы поэтической номинации). Иваново, 1995; *Gvozdet'skaja N. Ju.* *Sele and heall: a semantic study of Old English poetic synonymics* // *Berkovsbyk. To honour of Professor Valery Berkov*. М., 1996. P. 99–105.

¹⁴ *Гвоздецкая Н. Ю.* Язык и стиль древнеанглийской поэзии. С. 118–134.

¹⁵ *Beowulf* / Ed. M. Swanton. Manchester, 1978. Repr. 1990.